

Лабиринт Времени

Приключения Веселундии

Андрей Добрый

Андрей Добрый

Лабиринт Времени

«Автор»

2026

Добрый А.

Лабиринт Времени / А. Добрый — «Автор», 2026

В Веселундии — городе, где фонари горят разноцветными огнями, а механические птицы поют по утрам, — случилось непоправимое: время перестало идти. Часы на башне показывают разное время, фонтан выбрасывает воду вверх, а почтальон уже в четвёртый раз несёт одно и то же письмо. Джо-Джо Весельчак и его друзья — изобретательница Гизмо, ворчун Ворчун, трусливый Пусик и вечный оптимист Бублик — отправляются в самое опасное путешествие своей жизни: в Часовой Лабиринт, где хранится Сердце времени. По пути им предстоит встретиться с Хранителями Рассвета и Заката, заглянуть в Библиотеку Потерянных Минут и пережить собственное прошлое. Но когда они доберутся до финала, их ждёт не злодей, а старик, который просто устал смотреть на страдания мира. Он остановил Сердце, чтобы никто больше не терял, не расставался и не умирал. Как убедить его, что жизнь невозможна без ошибок, случайностей и потерь? И готовы ли они отдать самое дорогое — собственную память — чтобы время снова пошло?

© Добрый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Андрей ДобрыйОт автора	6
ГЛАВА 1. День, который потерял своё завтра	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Добрый Лабиринт Времени

Глава

«В каждом мгновении спрятан целый мир — стоит лишь открыть глаза и сердце.»
— Андрей Добрый

Андрей ДобрыйОт автора

Мы привыкли думать, что время — это то, что мы теряем. Оно утекает сквозь пальцы, убегает, оставляет нас с чувством, что мы что-то не успели. Мы боимся опоздать, боимся, что годы пройдут зря. Мы пытаемся поймать мгновения, сохранить их в памяти, как будто если мы запоем — мы их не потеряем. Но что, если время — не враг, а приглашение? Что, если его нельзя победить, остановить или вернуть — а можно только наполнить?

Этот вопрос стал главным в повести «Лабиринт времени».

История началась с простой мысли: а что, если однажды время перестанет идти? Не в одном городе, а везде. Не потому что сломались часы — а потому что кто-то очень усталый решил, что так будет лучше. Чтобы люди больше не теряли, не расставались, не старели и не умирали. Чтобы боль остановилась. И звучит это почти благородно. Почти правильно. Но когда мир замирает — он перестаёт быть живым. И тогда оказывается, что жизнь без потерь — это и не жизнь вовсе.

Почему я это написал? Потому что мне кажется, что мы все слишком боимся ошибок. Мы хотим сделать всё правильно, не ошибиться, не потерять — и в этом желании часто пропускаем самое главное. А самое главное — не в том, чтобы сохранить прошлое. А в том, чтобы жить настоящим. С теми, кто рядом.

Джо-Джо, Гизмо, Гном Ворчун, Пусик и Бублик — они все не идеальны. Они спорят, боятся, ошибаются. Именно поэтому они живые. И именно поэтому они могут пройти через Лабиринт, где каждая дверь — это проверка. Не на силу или смелость, а на способность отпустить, оставить позади счастье, которое уже было. Или альтернативную жизнь, которая могла бы случиться. Или даже самые дорогие воспоминания.

Было больно писать эти сцены. Особенно прощание Пусика с матерью, которую он забывает, чтобы спасти мир. Но я понял, что именно так устроена жизнь: мы платим за всё, что получаем. И иногда цена — это то, что мы никогда не вернём. Но если мы платим вместе — мы перестаём бояться.

«Лабиринт времени» — это книга о том, что время — это не песок в часах. Это то, что мы делаем друг для друга. Это смех, который мы слышим. Это тишина, которую мы делим. Это шаг вперёд, даже когда не знаешь, куда идти.

Я хотел, чтобы после прочтения у читателя осталось не чувство потери, а тихая уверенность: даже если ты что-то забыл, ты не стал беднее. Потому что главное не хранится в памяти. Главное хранится в сердце. И оно всегда с тобой.

ГЛАВА 1. День, который потерял своё завтра

Будильник Тихон зазвонил ровно в семь утра. Ровно в семь — как всегда, как каждое утро за последние пять лет.

Джо-Джо открыл один глаз. Закрыл. Снова открыл. Рыжие волосы торчали во все стороны, на подушке осталось несколько веснушек — они почему-то всегда осыпались по утрам.

— Я тебя слышу, — сказал он в подушку. — Ты победил.

Тихон не унимался. Короткая трель, длинная, потом такая, что казалось, будильник пытается спеть целую песню и застревает на первой ноте. Джо-Джо сел, потянулся, зевнул так широко, что мог бы, наверное, проглотить всё утро целиком. На тумбочке лежал Толстяк — камень в форме кота с жёлтыми кристаллами вместо глаз.

— Доброе, — сказал Джо-Джо.

Толстяк молчал.

— Я тоже рад тебя видеть.

Он взял Тихона, поднёс к уху. Внутри привычно тикало — ровно, спокойно, как сердце старого друга, которое никогда не сбивается с ритма. Пахло от будильника деревом и чуть-чуть весной, хотя за окном стояло лето.

Джо-Джо подошёл к окну и толкнул створку. Ветер ворвался в комнату — тёплый, ленивый, с запахом мятных леденцов из пекарни братьев Блинчиков. Внизу тянулась улица: разноцветная брусчатка, дома, слепленные точно из мороженого, вот-вот готового потечь по стенам, но почему-то держащегося уже который год. Мимо крыш, поскрипывая крыльями, лениво пролетел чей-то велосипед — самое обычное утро для Веселундии. Снизу доносился звон трамвайных колокольчиков, детский смех и чья-то гармошка: она играла одну и ту же мелодию уже третий раз, но Джо-Джо этого не заметил.

Он улыбнулся и уже собирался закрыть окно, когда заметил кое-что странное.

На скамейке напротив сидел Мятлик, почтальон. Он смотрел на конверт в руках так, точно тот был не письмом, а загадкой, которую не хотелось разгадывать. Сидел он уже, наверное, минут пять. Неподвижно.

— Доброе утро, почтальон Мятлик! — крикнул Джо-Джо.

Почтальон вздрогнул и чуть не выронил конверт.

— А? Да-да. Доброе. — Он посмотрел на дом, потом на конверт, потом снова на дом. — Слушай... ты не знаешь, тут кто-нибудь живёт?

— Я тут живу.

— Ага. — Мятлик почесал затылок. — Тогда у меня для тебя письмо. Только... — он замялся, — я уже приносил его сегодня. Два раза.

— Два?

— Два. — Почтальон говорил медленно, с трудом подбирая слова, будто они застревали у него в горле. — Сначала утром. Потом ещё раз. И каждый раз ты брал, я уходил, а через полчаса письмо снова было у меня в руках. И я снова шёл к тебе. — Он потряс головой. — Я уже третий раз иду по одной и той же улице. Ноги сами несут. Как будто я не могу не идти.

Он сунул конверт Джо-Джо в руки и зашагал прочь. Шаги у него были странные — левая нога двигалась быстрее правой, точно они жили в разное время и никак не могли договориться.

Джо-Джо проводил его взглядом, потом перевёл взгляд на улицу. Продавец мороженого внизу уже в четвёртый раз вытирал одну и ту же каплю на прилавке: останавливался, смотрел на тряпку, вытирал снова. Рядом женщина с коляской пыталась перейти дорогу, но через каждые несколько шагов коляска оказывалась позади неё, и она начинала сначала.

Джо-Джо захлопнул окно.

— Мам! — крикнул он, но голос прозвучал тише, чем хотелось. — Мам, ты не заметила ничего странного?

Мама выглянула из кухни. Она была в муке — вся, от волос до подола передника, — и от неё пахло тёплым хлебом.

— Завтрак готов. Булочки с вишней.

— Мам, я про время.

— Время? — Она посмотрела на часы. — Семь пятнадцать. Есть ещё время.

Она улыбнулась, и улыбка была такой же тёплой, как всегда. Но глаза её на мгновение стали пустыми, точно она смотрела не на сына, а сквозь него — в какое-то другое утро, которое уже случилось.

— Ладно уж, беги. Потом расскажешь, что там сранного случилось.

Джо-Джо не стал спорить. Сунул Тихона в карман и вылетел за дверь.

У калитки его уже поджидали. Гном Ворчун сидел на низкой ограде, опираясь на посох, а на плече у него, вцепившись коготками в потёртую жилетку, дремал котёнок Лирик. Ворчун жил в старой, покосившейся башне на окраине города, и время от времени заходил провести Джо-Джо Весельчака. Он утверждал, что делает это исключительно потому, что мальчишка вечно находит приключения и без присмотра непременно вляпается в какую-нибудь неприятность. Джо-Джо подозревал, что дело в другом — просто Ворчуну было одиноко по утрам, — но вслух этого никогда не говорил.

— Долго спишь, — буркнул Ворчун вместо приветствия. — Солнце уже час как встало, а у меня борщ на плите с рассвета кипит — переварится же, охламон ты этакий.

— Доброе утро и тебе, Ворчун. А солнце... Оно вообще не двигается, — сказал Джо-Джо. — Смотри.

Ворчун поднял голову и прищурился на небо.

— Не выдумывай.

— Я серьёзно. И почтальон мне одно письмо трижды принёс.

Ворчун промолчал, но посох в его руке чуть крепче сжался. Лирик на плече завопил и приоткрыл один глаз, точно тоже прислушивался.

По дороге к мастерской Гизмо они чуть не врезались в столб. Столб стоял на месте, но тень от него вдруг рванула вперёд, обогнала мальчика, остановилась, попятилась — и замерла, дрожа, как желе. Джо-Джо потряс головой. Ворчун остановился и долго смотрел на тень. Ничего не сказал. Просто пошёл дальше, крепче стуча посохом по мостовой.

Гизмо стояла посреди мастерской, в очках, и смотрела на свой прибор так, точно он только что её предал. На столе дымилось, два робота-тапка бегали по кругу, сталкивались и падали, а на полу валялись чертежи с одним и тем же рисунком — она явно перерисовывала его снова и снова.

— Гизмо, привет!

— Не сейчас, — сказала она, не оборачиваясь. — Я думаю.

— О чём? Что случилось?

— Ничего. — Она постучала по шару приборов, и тот загудел. — Вообще ничего. Понимаешь? Мои часы показывают одно и то же время уже десять минут. А комнатные — другое. И по ощущениям прошло уже полчаса. Где логика?

— У меня почтальон принёс одно письмо три раза, — сказал Джо-Джо.

Гизмо на секунду замерла, потом повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на испуг.

— Ты уверен?

— Он сам сказал.

— Значит, это не локальный сбой. — Она схватила с пола блокнот и перелистнула несколько страниц. — Я думала, магнитный шторм. Или виноваты старые часы на башне — они всегда барахлили. Но это не то. Если время заклинивается в разных местах по-разному, значит... — Она подняла голову. — Значит, кто-то его ломает.

— Кто? — спросил Ворчун от двери, где до этого молча стоял, слушая.

— Не знаю. — Гизмо отложила блокнот. — Но давай подумаем. Кто в городе мог бы это сделать? Может ты, Ворчун? Не похоже. Ты ворчливый, но пакостить не умеешь.

— Спасибо, — сухо сказал Ворчун.

— Братья Блинчики? У них тесто иногда сбегает, но время они не ломают. Хохи? Они слишком глупые для этого, даже свою слизь не могут контролировать.

Она села на стул и уставилась в одну точку.

— Может, сначала найдём остальных? — предложил Джо-Джо. — Пусика, Бублика.

Гизмо подняла голову.

— Пусик, наверное, опять под лестницей, — сказала она. — Но сначала я хочу проверить одну гипотезу.

— Какую?

— Тесто. — Она встала. — Если в пекарне братьев Блинчиков оно не поднимается уже час, значит, время влияет на живые процессы. Если поднимается слишком быстро — что-то локальное. Пошли.

Они спустились вниз. На углу Джо-Джо увидел Пусика — привидение сидело на скамейке, держа банку с «нестрашными звуками». Банка молчала.

— Пусик, ты чего?

— Я позвал эхо, — тихо сказал Пусик. — Сначала крикнул «Привет!», и оно вернулось через пять секунд. Потом «Как дела?» — через десять. А потом я решил пошутить, крикнул «Страшный призрак!» — и оно вообще не вернулось. Я испугался. И стал невидимым на целых три минуты.

— Три минуты? — переспросила Гизмо. — Это много.

— Это ужасно много, — согласился Пусик. — Я думал, что растворюсь навсегда. Там, в тишине, как будто кто-то ждал.

Он замолчал, и никто не спросил, кто именно, — потому что ответа всё равно не было бы.

На лестнице соседнего дома сидел Бублик и держал в зубах свою лупу, разглядывая её так, точно она только что его предала.

— Я нашёл след, — сказал он, увидев остальных.

— Какой след? — спросил Джо-Джо.

— Времени. — Бублик ткнул носом в мостовую. — Ведёт в пекарню. Но я не уверен.

— Почему?

— Потому что нашёл его три раза подряд. Один и тот же след. Иду, дохожу до пекарни, возвращаюсь — и снова тот же след.

— Может, это просто другой след?

— Нет, — уверенно сказал Бублик. — Я нюхал. Пахнет одинаково. Как вчера. И как сегодня. И как завтра.

— Что значит «как завтра»?

— Не знаю, — честно признался Бублик. — Но пахнет именно так. Ты бы понял, если б у тебя был нос.

— У меня есть нос. Идём с нами, — сказал Джо-Джо, и Бублик тут же пристроился рядом, деловито пригнувшись на ходу.

У пекарни братьев Блинчиков толпился народ. Внутри пахло горелым тестом — не тем приятным запахом свежей выпечки, от которого текут слюнки, а горьким и резким, будто кто-то сжёг целую буханку.

— Четвёртый раз! — кричал старший Блинчик, стоя у печи с лопатой в руках. — Я его ставлю, он поднимается, я закрываю дверцу, а через пять минут — снова сырое тесто!

— Может, ты забыл дрожжи? — спросила его жена, стоявшая с другой стороны прилавка. Видно было, что она не спала всю ночь.

— Не забываю! Кладу их дважды, трижды! И ничего не меняется!

Он открыл дверцу печи и вытащил противень. На нём лежал комок сырого теста — липкий, бледный, совсем не похожий на хлеб.

— А у меня вишня, — сказала его жена, отходя от прилавка. — Та, что лежала в сахаре с прошлого года, вдруг стала свежей. Красная, твёрдая, свежая, словно только что сорвали.

Она протянула руку. На ладони лежала горсть вишен — ярких, упругих, с капельками воды.

— Я заглядывала в банку вчера, — сказала она. — А сегодня открыла — а там свежие ягоды.

Джо-Джо переглянулся с Гизмо.

— Это не локально, — тихо сказала она. — Это везде.

— Три раза одно письмо, четыре раза одно тесто, свежая вишня из варенья, — перечислила она. — Это не совпадения. Время сломалось.

— Время не может сломаться, — возразил Джо-Джо. — Оно всегда идёт.

— Оно всегда шло, — поправила Гизмо. — А теперь, может быть, перестало.

Они вышли на площадь, к Фонтану Сюрпризов. Вода в нём вела себя странно: поднималась вверх, застывала на мгновение, а потом снова падала, но некоторые струи вообще не опускались — висели в воздухе, прозрачные и неподвижные, как стеклянные сосульки. У пруда застыли мармеладные лягушки — одна на середине прыжка, другая с высунутым языком, — а над головой, вместо того чтобы носиться туда-сюда, как обычно, замер в воздухе чей-то велосипед с раскрытыми, но неподвижными крыльями. У края площади маленькая девочка снова и снова отпускала воздушный шарик, и он снова и снова возвращался в её руку через несколько секунд, хотя она была уверена, что прошло пять минут, не меньше. Рядом женщина с пустой коляской в третий раз пыталась перейти дорогу и в третий раз оказывалась там же, откуда начала. Когда Джо-Джо спросил её про ребёнка, она долго смотрела на коляску. Наконец сказала, что уже не помнит, был ли он вообще.

В старом квартале, за площадью, сидел на скамейке старик и смотрел на свои руки — так, будто видел их впервые. Кожа на ладонях висела складками, которых, наверное, утром ещё не было.

— Я старею, — сказал он. — Каждую минуту. А вон тот мальчик, — он кивнул в сторону переулка, — молодеет. Час назад был выше меня. Сейчас — ниже.

В переулке действительно стоял растерянный мальчик лет десяти и смотрел на собственные ладони так, точно они становились всё меньше.

— Это всё объясняет, — тихо сказала Гизмо. — Время не просто остановилось. Оно сломалось по-разному. Где-то застыло. Где-то ускорилося. Где-то пошло назад. А где-то, — она показала на сад за оградой, где на одной и той же ветке яблони одновременно висели цветы, зелёные яблоки и спелые плоды, — смешалось совсем.

Ворчун долго молчал, разглядывая яблоню. Потом стукнул посохом о мостовую.

— Я такое слышал, — сказал он наконец. — Дед рассказывал ещё моему деду. О месте, где рождаются секунды. Часовой Лабиринт. Или Лабиринт Времени. Как хотите, смысл один. Если он ломается — время ломается везде. Даже здесь.

— Ты знаешь, где он? — спросил Джо-Джо.

— Знаю только легенду. Нужно искать мастерскую Великого Часовщика. Там, если повезёт, будет вход. Или карта. Или ничего не будет, я не уверен.

— Башня на холме, — вдруг сказал Бублик, который всё это время принохивался к воздуху, задрав нос. — Я туда никогда не ходил. Но оттуда пахнет старыми книгами. И временем. Очень старым временем.

Все посмотрели на холм, где среди деревьев виднелись очертания заброшенной башни.

— Мы должны туда пойти, — сказал Джо-Джо.

— Сейчас? — переспросил Пусик, и голос его дрогнул.

— Да. Сейчас.

Ворчун перехватил посох и первым зашагал в сторону холма — так решительно, что никто не рискнул спорить.

— Борщ мой пропадает, — ворчал он на ходу, ни к кому конкретно не обращаясь. — Три часа варился. Три часа! А теперь что — выключать не пришлось, дом сгорит — хоть какая-то польза. Идём уже, нечего рассусоливать.

Лирик на его плече встряхнулся, зевнул и покрепче вцепился в жилетку когтями.

Джо-Джо сунул руку в карман. Тихон лежал там и почти не тикал — только едва слышное «тик» раз в несколько секунд.

— Ты со мной? — тихо спросил он.

Будильник не ответил. Но Джо-Джо на мгновение почувствовал тепло — такое же, как в тот день, когда мама впервые вложила Тихона ему в руки.

Он убрал будильник обратно в карман и посмотрел на башню.

— Пошли, — сказал он и зашагал следом за Ворчуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.